

ЧЕЧНЯ: СПРАВЕДЛИВАЯ ВОЙНА, КОТОРАЯ ВЕДЕТСЯ НЕСПРАВЕДЛИВО?

Ричард Саква

Предисловие

Стремление Чечни добиться независимости ставит под вопрос существующие теории сецессии и идеи национального самоопределения¹. Оно также стало подрывать фундамент универсализма, сложившегося после «холодной войны» и основанного на идеологии прав человека и долге международного сообщества вмешиваться во внутренние дела государств, если будет сочтено, что они плохо обращаются с собственным населением. Данный случай прежде всего привлекает наше внимание к вопросу о нормативной и политической подготовленности народа к независимости, выявляя в то же время пределы сецессии как способа решения проблем разделенных обществ. С этим связан и вопрос об изменчивости и необратимости истории с точки зрения международного сообщества в целом, а также о восприятии истории народом, представляющим собой субъект сецессии. Каковы основания для получения государственного суверенитета, и при каких условиях он

· Данный текст был написан Ричардом Саквой и опубликован под заглавием: Chechnya: A Just War Fought Unjustly? («Чечня: справедливая война, которая ведется несправедливо?» в сборнике: Bruno Coppieters and Richard Sakwa (eds.), *Contextualizing Secession. Normative Studies in Comparative Perspective*, Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 156-186. Русский перевод этого текста опубликован с разрешения издательства Оксфордского университета, адрес которого в Интернете: <http://www.oup.com/>

¹ См. свежий обзор работ по данной тематике: Neuberger, Benyamin. *National Self-Determination: A Theoretical Discussion* // *Nationalities Papers*. Vol. 29. № 3. 2001. P. 391-418.

Ричард Саква, Чечня: справедливая война, которая ведется несправедливо?, в сборнике: Исследования по вопросу сецессии на Кавказе. Ред. Бруно Коппитерс. Брюссель: Факультет политологии Свободного Брюссельского университета (VUB), 2011, р. 36-78 <http://poli.vub.ac.be/publi/>

© 2011 г. Все права зарезервированы. Никакая часть настоящей работы не может быть опубликована без разрешения автора.

должен быть признан международным сообществом? При каких условиях может «мировое сообщество» считать себя вправе исполнить провозглашенный им долг защиты прав личности независимо от государственных границ?

Для чеченского руководства независимость казалась естественным исходом вековой борьбы чеченцев против русского владычества; но в этой борьбе столкнулись также один принцип международного права (права наций на самоопределение) с другим принципом (территориальной целостности государств и неприкосновенности границ). Эта борьба ярко высветила противоречие между прерогативами государств по сохранению своей территориальной целостности и продекларированными правами международного сообщества по защите личности внутри этого государства. С точки зрения международного и внутреннего права, две российских военных кампании в Чечне являются внутренним делом России. Российские власти настаивали на том, что государства имеют право защищать свое территориальное единство и вести борьбу с терроризмом. На протяжении обеих кампаний существовало противоречие между аргументами, основанными на суверенитете и безопасности - противоречие, которое усилилось после событий 11 сентября 2000 г. и создания международной «антитеррористической коалиции», в которой охотно присоединилась Россия при президенте Владимире Путине.

Что касается права начинать войну (*jus ad bellum*), то международное сообщество не высказывало возражений против российской политики. Однако западные правительства настаивали на том, чтобы война, коль скоро она началась (*jus in bello*), велась в рамках обширного комплекса нормативных гуманитарных ценностей, воплощенных в многочисленных международных документах, под которыми стоит подпись самой России, например, когда она вошла в Совет Европы в феврале 1996 г. Решение России начать войну в 1994 г., понятное по причине предпринятого одностороннего отделения региона, который юридически являлся частью Российской Федерации, как правило, расценивается как в конечном счете политически и нравственно ошибочное, тем более, что военная кампания сама осуществлялась таким

неразборчивым способом. Вторая война с сентября 1999 г., однако, приобрела, пожалуй, больше поддержки как справедливая война ввиду наличия более выраженных аспектов оправданной самозащиты. Чеченские повстанцы, со своей стороны, полагали, что их базисное исторически обоснованное требование национального самоопределения превращает их борьбу в справедливую. В рамках ремедиальной теории сецессии Аллена Бьюкенена² чеченцы могли бы доказывать, что они долго были жертвами репрессий и были недостаточно представлены в органах управления России. Российское правительство могло доказывать, что это не имеет к ним никакого отношения, так как Российская Федерация с 1991 г. стала демократическим государством, основанным на всеобщем гражданстве, федеративном разграничении полномочий и отказе от коммунистических и досоветских эксцессов – а также на защите целостности этой новой, постимперской, меньшей по размеру России. Безупречная логика различных концепций справедливой войны, таким образом, сталкивалась, обнажая противоречия в международном праве, политических условностях и практике посредничества.

Чеченский кризис разразился в конце «холодной войны». Он сопровождался одним из наиболее интенсивных периодов формирования национальных государств (nation states) двадцатого столетия, сопоставимый только с периодом после окончания Первой мировой войны. По словам Лукича и Линча, две крупнейшие коммунистические федерации распались потому, что их федеративные системы были построены на основе этнической, а не гражданской идентичности, придавая СССР и Югославии политические характеристики скорее империй, чем многоуровневого торгового, типичного для федераций³. «Холодная война» сопровождалась «замораживанием» государств, причем имел место лишь один случай успешной сецессии между 1947 и

² Buchanan, Allen. *Secession: The Morality of Political Divorce From Fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Boulder, CO, Westview Press, 1991 (есть русский перевод: Бьюкенен, Аллен. *Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства*. М.: Рудомино, 2001).

³ Lukic, Reneo, Lynch, Allen. *Europe From the Balkans to the Urals: The Disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union*. Oxford: SIPRI and Oxford University Press, 1996.

1991 г. (Бангладеш в декабре 1971 г.)⁴. Как и в более ранний период, новые государства означали появление новых меньшинств⁵. Создание в 1991 г. 15 новых государств на базе старых союзных республик Советского Союза произошло сравнительно непроблематично, но тут же возник новый вопрос о степени будущей фрагментации самих этих только что ставших независимыми государств. Некоторые союзные республики включали в себя автономные области или отделившиеся регионы, которые потребовали повышения своего политического статуса. Единству Грузии бросили вызов Абхазия и Южная Осетия, Молдовы - попытка Приднестровья добиться независимости, а Украины - борьба за крымскую автономию. Отделение одного государства сопровождалось попытками достичь сецессии внутри сецессии: в случае России это была Чечня и в меньшей степени Татарстан. В отличие от советской конституции, которая гарантировала союзным республикам право на выход из Союза (статья 17 «брежневской» конституции 1977 г.), российская конституция, принятая в декабре 1993 г., не предоставляет такого права: статья 27.2 гарантирует право личности покинуть страну, но не право коллективной сецессии. Кроме того, в отличие от Федеративного Договора 1992 г. (подписанного в марте того же года между субъектами Российской Федерации), Конституция 1993 г. больше не рассматривает этнические республики как суверенные.

Чеченская революция

Характерное наследие советского этнофедерализма приняло форму появления двадцати одной республики в составе России, в каждой из которых доминирует титульная национальность или группа титульных национальностей (14 в случае Дагестана). Однако в отличие от СССР, где к 1991 г. этнические русские составили лишь 50% населения, в Российской Федерации на момент получения независимости они составляли 81% из 148 млн общего числа населения России. Только в

⁴ Случай Сингапура совсем иной, так как эта страна была исключена из Федерации Малайзия в августе 1965 г.

семи республиках титульная национальность охватывает более половины населения⁶. Одной из них была Чечня⁷.

Чечня была единственной республикой в России, где переход к постсоветскому строю сопровождался национальной революцией, которая свергла старые номенклатурные элиты и оставшиеся институты советской власти. Одна из причин сравнительной легкости, с которой радикалы захватили республику. Заключается в том, что, в отличие от большинства других этнических групп в СССР, чеченцам не позволяли иметь значительное представительство в руководящих органах своей собственной республики. Не существовало сколько-нибудь значимой местной этнической элиты, подготовленной к политическому управлению⁸; вместо этого, чеченская правящая группа, которая пришла к власти в чеченской революции, была скорее обучена навыкам войны, чем советским административным навыкам бюрократических выгод и противовесов, не говоря уже о плюралистическом искусстве компромиссов и переговоров.

Только в конце 80-х гг. XX в. чеченцам впервые была доверена власть в республике, которая носила их имя. В июне 1989 г. первым секретарем компартии республики был избран Доку Завгаев, нанеший поражение русскому кандидату, выдвинутому Москвой – это был акт, типичный для культивирования национально-патриотических сил перестройки. В ноябре 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушетии при поддержке Завгаева принял декларацию о суверенитете. Сама Россия приняла свою декларацию о суверенитете 12 июня 1990 г., и хотя эти декларации не доходили до требования независимости, они ускорили

⁵ В период после Первой мировой войны меньшинства составляли 35% населения новосозданной Чехословакии, 30,4% Польши и 25% Румынии.

⁶ Чечня, Ингушетия (эти две республики были в то время объединены), Кабардино-Балкария, Дагестан (со многими титульными национальностями), Северная Осетия, Чувашия и Тува.

⁷ Согласно переписи 1989 г., число чеченцев и ингушей республики составляло 1,27 млн чел., из которых 735 тыс. были чеченцы, 164 тыс. ингуши и 294 тыс. русские (включая казаков). См. РСФСР в цифрах в 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 530 тыс. были горожанами и 705 тыс. жителями сельской местности. См. СССР: административно-территориальное деление союзных республик. М.: Президиум Верховного Совета СССР, 1987. С. 60. Население одной только Ингушетии насчитывало приблизительно 300 тыс. чел., в то время как в столице ЧИР Грозном около половины 400-тысячного населения были русские.

всевозможные «войны законов» между различными уровнями советского федеративного устройства. На мартовском референдуме 1991 г. об обновлении Советского Союза число пришедших на выборы в Чечено-Ингушетии (58,8%) было ниже, чем в любой другой из национальных республик России, но три четверти проголосовавших поддержали планы президента СССР Михаила Горбачева по преобразованию советской федерации. На российских президентских выборах в июне 1991 г. 80% голосов в республике было подано за Бориса Ельцина, который проводил кампанию под лозунгом большей автономии национальных образований России.

Чеченская революция, однако, быстро вышла за рамки попыток «внутрисистемных» реформ. В то время как структурные и исторические факторы без сомнения сыграли свою роль, именно внутриэлитная борьба в первую очередь ускорила революционный исход, и не только в Чечне.⁹ В ноябре 1990 г. был опубликован первый проект горбачевского союзного договора, который наделял «республики, являющиеся частью других республик» правом участвовать в обновлении Советского Союза наравне с самими союзными республиками¹⁰. Другими словами, декларации суверенитета России нужно было противопоставить поощрение стремления к суверенитету автономных республик в составе России. В Чечне Завгаев стремился отвести от себя этот вызов, привлекая на свою сторону движения, которые летом 1990 г. объединились и образовали оргкомитет Общенационального Конгресса Чеченского Народа - неформального органа, состоявшего из старейшин тейпов и не включавшего значительную часть городского населения. Эта организация, при поддержке Ельцина, была предназначена оказывать давление на советское руководство и лично на Горбачева. Общенациональный Конгресс Чеченского Народа, однако, скоро перешел

⁸ Abdullaev Nabi. Chechnya is Facing Personnel Vacuum // The Jamestown Foundation, Prism. April 2001.

⁹ Как замечает Хан (Hahn), «Партийные аппаратчики подстрекали дудаевский режим оспаривать власть РСФСР для того, чтобы заставить Ельцина расплачиваться за свои призывы к российским автономным республикам “брать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить”» // Hahn Gordon M. Russia's Revolution from Above, 1985-2000: Reform, Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 2002. P. 473.

¹⁰ Правда, 24 ноября 1990.

в оппозицию своему инициатору Завгаеву. В марте 1991 г. генерал-майор Джохар Дудаев (1944-96) был избран главой Конгресса, и чеченская революция вскоре вышла далеко за рамки стремления к либерализации и «национализации» режима. Дудаев был первым чеченцем, достигшим звания генерала в советских военно-воздушных силах, служа в Афганистане. Он командовал дивизией стратегических бомбардировщиков, дислоцированных в Тарту в конце 80-х и в начале 90-х гг. XX в., где в январе 1991 г. он помешал советским спецподразделениям напасть на эстонских сепаратистов и таким образом стал чем-то вроде местного героя.

Уклончивое поведение Завгаева во время путча советских консерваторов против Горбачева в августе 1991 г. показало банкротство его попытки маневрировать между советской властью Горбачева и возникающим российским государством Ельцина. Вакуумом власти блестяще воспользовался Дудаев, который фактически организовал переворот - столь же фарсовый, сколь и эффективный¹¹. После провала августовского путча Общенациональный Конгресс Чеченского Народа собрался в чеченской столице Грозном, чтобы определить смысл происшедших событий для республики. Под руководством Дудаева, уволившегося из рядов ВВС в мае 1991 г., группа вооруженных лиц взяла штурмом правительственные здания и свергла власть Завгаева. Новые президентские выборы в Чечне состоялись 27 октября. На них победил Дудаев, причем эту победу оспаривают до сего дня, если учесть, что выборы прошли под дулом пистолета, а избирательные комитеты были назначены самим Дудаевым¹². Последующая односторонняя декларация

¹¹ Пожалуй, наилучший анализ событий этого периода см. в: Джабраил Гакаев. Путь к чеченской революции // Фурман, Д. Е. (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. Выпуск. 3 серии «Мир, прогресс, права человека». Публикации музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. М.: Полиформ-Талбури, 1999. С. 150-76, который отмечает фарсовые элементы этой революции. См. с. 168.

¹² Дудаев получил 90% поданных голосов, 63% от всего электората. См. Московские новости. № 6 (19-26 февраля 1995 г.). С. 6. Гакаев в работе «Путь к чеченской революции» // Фурман (ред.). Чечня и Россия на с. 169 описывает несурзности происходящего. Данлоп, однако, высказывает более благожелательное мнение, утверждая, что опросы общественного мнения, проводившиеся в то время в Чечне, показали, что около 60% населения поддерживали Дудаева. См. Dunlop, John. Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 114-5. Хотя некорректно проведенные выборы, возможно, отражали волю народа, в отсутствие каких-либо действенных политических сдержек и противовесов

независимости («Акт о суверенитете Республики») от 1 ноября пользовалась далеко не всеобщей поддержкой, хотя и была ратифицирована на следующий день только что избранным чеченским парламентом (выборы в законодательный орган также состоялись 27 октября). В то время как мятеж воспользовался лексиконом национально-освободительной борьбы против иностранных угнетателей, большую часть населения (как русских, так и этнических чеченцев) отталкивал насильственный способ, которым была захвачена власть. Режим Дудаева испытывал недостаток внутренней легитимности, причем власть переходила от урбанизированных, образованных и советизированных элит равнинных районов к менее урбанизированным, менее образованным и традиционно более антироссийски и антисоветски настроенным группам из южной горной местности.

В самой Москве пагубное воздействие на чечено-российские отношения оказывала политическая борьба, в особенности конфликты между Ельциным и Горбачевым (Россией и Советским Союзом) и между Ельциным и Русланом Хасбулатовым (российской исполнительной и законодательной властью), которая парализовала попытки выработать четкую и последовательную реакцию. Хасбулатов, этнический чеченец, депортированный в Среднюю Азию в 1944 г.¹³ и избранный в российский парламент в 1990 г. как представитель Чечни, был одним из наиболее невожатых противников чеченской независимости. В то же самое время он стремился занять привилегированную позицию в посредничестве между Москвой и Чечней. По словам чеченского либерала Юсупа Сосламбекова, Хасбулатов в конце лета 1991 г. хотел поставить свою собственную команду во главе чеченского правительства, но Ельцин, опасаясь любого увеличения власти Хасбулатова, предпочел Дудаева¹⁴. Выбор был роковым и для России, и Чечни, и отразил

голосование было в большей степени плебисцитом, чем демократическими выборами, на которых должны быть защищены и представлены права меньшинств.

¹³ 387 тыс. чеченцев и 91 тыс. ингушей были депортированы в Центральную Азию (в основном в Казахстан), из них по меньшей мере четверть погибла в пути. В 1991 г. треть чеченцев, живших в то время, были возвращенцами, с памятью о тех горьких днях. Описание ссылки самим Хасбулатовым см. в: Khasbulatov, Ruslan. *The Struggle for Russia: Power and Change in the Democratic Revolution*, edited and introduced by Richard Sakwa. London and New York: Routledge, 1993. P. 3-4, 11-12.

¹⁴ Fuller, Liz. *Death of a Chechen Pragmatist* // RFE/RL. Newslines, 4 August 2000.

господствующие в то время фракционную борьбу, коррупцию и некомпетентность. Отношения России с Чечней весь этот период были весьма противоречивыми: от либерального ответа, в духе которого велась подготовка к признанию независимости Чечни, до неоимперского подхода, сторонники которого настаивали на том, чтобы Чечня оставалась в составе страны любой ценой. Между этими полюсами находилось мнение о том, что Чечня сможет стать независимой, если только выработает соглашение, которое гарантирует России ее экономические интересы (прежде всего охрану трубопроводов и железнодорожных линий, которые пересекали территорию Чечни), права нечеченского населения внутри Чечни и безопасность южных границ страны.

2 ноября Пятый съезд народных депутатов РСФСР под председательством Хасбулатова постановил, что ни президентские, ни парламентские выборы в Чеченской Республике не были законными и что распоряжения этих органов не подлежат исполнению. 7 ноября 1991 г. Ельцин объявил чрезвычайное положение в Чечне (а затем скрылся из виду), но Горбачев (после провала августовского путча все еще президент того, что оставалось от СССР) отказался позволить федеральным органам безопасности и внутренним войскам поддержать российскую акцию.¹⁵ Это было сделано как будто в знак мести за отказ России поддержать его явные попытки подчинить прибалтийские республики силой в январе 1991 г.¹⁶ Попытки России покончить с двойным суверенитетом на своей территории вторили попыткам Горбачева покончить с двойным суверенитетом на советской территории – ирония, которую не заметили немногие. Легко вооруженные российские части, которые прилетели в Грозный в ночь с 8 на 9 ноября, были захвачены, а затем отосланы назад в

¹⁵ Горбачев приказал прекратить все передвижения войск в регионе. См. Грачев, Андрей. Кремлевская хроника. М.: ЭКСМО, 1994. С. 277-8.

¹⁶ По словам Хасбулатова, Горбачев прямо заявил: «В свое время [январь 1991 г.] вы мне в Литве не дали ввести то же самое ЧП, помните, как [российские власти, возглавляемые Ельциным] возмущались?», сообщено в: Гакаев. Путь к чеченской революции // Фурман (ред.). Чечня и Россия. С. 170, цит. по: Солидарность. №№ 13 (110), 1995. Гнев России по поводу этого акта мести Горбачева Ельцину сыграл свою роль в отделении России, Белоруссии и Украины от СССР в Беловежской пуще (Минске) 8 декабря 1991 г. Было бы слишком смело утверждать, что отделение Чечни вызвало распад СССР, но безусловно оно (чему часто не придают значение) представляло собой последний гвоздь в крышку его гроба.

Россию войсками Дудаева. Испытывая недостаток военной силы, чтобы подчинить мятежный режим, Верховный Совет России 10 ноября отменил решение о введении чрезвычайного положения¹⁷. Всего за три дня Дудаев превратился из комического опереточного авантюриста со своей гангстерской шляпой и странными усиками в подлинного национального героя. Как утверждает Гакаев, именно политика Москвы (или ее отсутствие) обеспечила победу чеченской революции¹⁸. Чеченский кризис перешел из внутричеченской борьбы за власть между элитами в плоскость русско-чеченского национального противостояния.

Одной из причин, по которым Россия не сумела найти адекватный ответ на чеченский кризис, было то, что посткоммунистическая траектория развития как России, так и Чечни шла параллельно. По словам Фурмана,

«Это - проблемы руководства обществом, потерявшим свой тоталитарный механизм управления, но не создавшим нового, демократического; не умеющим жить в условиях демократии и поэтому скатывающимся в криминальную анархию. И решают они их во многом схожим путём - через усиление президентской власти, приобретающей авторитарный характер (хотя не становящейся от этого эффективной), разгоны парламентов и использование для укрепления своей власти приватизации..., при помощи которых можно обогащать и подкупать кого нужно»¹⁹.

Усилия России по государственному строительству вошли в противоречие со стремлениями Чечни к национальному строительству, но и те, и другие являлись средством для отстаивания групповых интересов и борьбы элит. Как это ни парадоксально, к войне в конечном счете

¹⁷ Именно отступление России в этот момент, как считают многие российские политические деятели, например депутат Думы от «Яблока» Алексей Арбатов, явилось роковым рубежом, когда законное использование силы уступило место циклу российских отступлений, которые со временем вызвали катастрофические войны. Сведения получены из беседы с автором настоящей статьи в Тель-Авиве 7 апреля 2000 г.

¹⁸ Гакаев. Путь к чеченской революции // Фурман (ред.). Чечня и Россия. С. 171.

¹⁹ Фурман. Самый трудный народ для России // Фурман (ред.). Чечня и Россия. С. 6-7.

привели вовсе не сила российского правительства или чеченских повстанцев, но их слабость.

Ни войны, ни мира

Дудаев выиграл время, чтобы укрепить свою власть в республике и вооружиться, тем более что уходящие российские войска позднее в том же и в 1992 году по причинам, которые так и не получили должного объяснения, оставили в Чечне большую часть своего вооружения²⁰. Теперь у Ельцина было три года, чтобы привыкнуть к фактическому отделению Чечни, хотя независимость республики не была признана ни одним государством. Введение экономической блокады ускорило вползание республики в анархию. Точный статус, которого добивался Дудаев для Чечни, по-прежнему остается под вопросом; он колебался в диапазоне от требования полной независимости от России, участия в воссозданном Советском Союзе, до предоставления Чечне статуса не выше того, который Россия предоставила Татарстану²¹. Мощное лобби в Москве, однако, не хотело и слышать об уступках Чечне. Во главе группы стоял Сергей Шахрай, министр по делам национальностей, а позднее заместитель премьер-министра; Николай Егоров, сменивший Шахрая на посту министра по делам национальностей; и Сергей Филатов, глава администрации Ельцина. В частности, Шахрай, по словам Данлопа, был настроен против того, чтобы Ельцин шел на уступки Чечне, подобные тем, что были предложены Татарстану. Утверждается, что он ядовито нашептывал Ельцину, что Дудаев оскорблял его как человека (что, учитывая личностный стиль руководства Ельцина и его обостренное самолюбие, имело разрушительные политические последствия), в

²⁰ Обсуждение этого вопроса см. в: Орлов, О. П., Черкасов, А. В. Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. М.: Мемориал/Звенья. 1998. С. 103-108. Одним из лучших описаний является глава Dudayev's Regime: The Handover of Soviet Military Hardware в кн.: Seely, Robert. Russo-Chechen Conflict, 1800-2000: A Deadly Embrace. London: Frank Cass, 2001. P. 114-141.

²¹ Рафаэль Хакимов, советник президента Татарстана Минтимера Шаймиева и очевидец заседаний Совета глав республик в первые постсоветские годы, утверждал, что Дудаев был бы удовлетворен последним вариантом. Личная беседа с автором. Лондон, 28 июня 2001 г.

результате чего на переговорах была занята бескомпромиссная позиция с требованием удаления Дудаева со своего поста²².

Сам Дудаев с невероятным трудом пытался подчинить народ республики своей власти²³. Обширные районы Чечни отказывались признавать власть Дудаева, включая тот, где проживали земляки Завгаева – Надтеречный район. Подавлялась одна оппозиционная группа за другой. Чечня (официально отделившаяся от Ингушской Республики в 1992 г.) вскоре стала центром махинаций по распространению оружия, наркотиков и отмыванию денег и погрузилась в хаос беззакония. Поезда, проходившие через этот регион, регулярно подвергались разграблению. В апреле 1993 г. Дудаев насильственным путем распустил чеченский парламент, разогнал демонстрации и запретил любую организованную оппозицию своей власти.

Немногие в российском политическом истеблишменте выступали за войну, и лишь когда угроза самой России со стороны чеченской преступности стала невыносимой, были предприняты прямые действия. Как утверждает Ливен, «не было и речи об отказе предоставить автономию Чечне»²⁴. Проблема, однако, коренилась гораздо глубже. Карл Шмитт рассуждал в категориях обвала политической сферы, под грузом которой была погребена социальная сфера в Веймарской Республике, где социальные силы захлестнули и подмяли под себя правовое и политическое структурирование²⁵. В обстановке государственного и политического кризиса выдвигалась идея «Веймарской России»²⁶. Однако суждение Шмитта наиболее применимо именно к Чечне. Бандитизм имеет глубокие корни в чеченской традиции, и для многих он был не столько преступлением, сколько социальной традицией,

²² Возможно, Шахрай испытывал национальную враждебность к Дудаеву. Шахрай - терский казак - выходец из группы, которая долгое время враждовала с чеченцами.

²³ Проницательный и сочувственный анализ затруднительного положения, в котором оказался Дудаев, см. в: Таймаз Абубакаров. Между авторитарностью и анархией (Политические дилеммы президента Дудаева) // Фурман (ред.). Чечня и Россия. С. 177-96.

²⁴ Lieven Anatol. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven and London: Yale University Press, 1998. P. 84.

²⁵ См. Schwab George. The Challenge of the Exception: An Introduction to the Political Ideas of Carl Schmitt between 1921 and 1936. Second Edition. New York: Greenwood Press, 1989.

²⁶ В особенности Александром Яновым. См. Yanov Alexander. Weimar Russia: And What We Can Do About It. New York: Slovo, 1995.

символизирующей сопротивление не только любому конкретному оккупанту, но также и неприятие самой идеи власти. В то время как Хасбулатов, возможно, характеризовал события в Чечне при Дудаеве как «крестьянское восстание», - которое он отвергал как «самое уродливое, самое глупое и самое опасное политическое явление»²⁷ - может быть, дело обстоит еще хуже – мы имеем дело с бандитским восстанием, подобное которому редко встречалось прежде.

Это помешало Чечне подписать двусторонний договор с Россией в период трансформации Российской Федерации в независимое государство – а это это позволило бы предотвратить войну. В августе 1990 г. Ельцин призывал субъекты федерации «берите столько суверенитета, сколько вы сможете проглотить»²⁸. С большей последовательностью, чем в какой-либо иной сфере политической жизни, суверенитет центра разрушался в ходе процесса, названного Кацнельсоном в ином контексте *парцелляцией суверенитета*²⁹. Продолжающийся кризис государства и экономики позволял некоторым республикам расширять свой *фактический* суверенитет, принимая законы, создававшие правовое пространство, становившееся все более отличным от установленного Москвой. В авангарде этого процесса, названного «явочным разводом», были Татарстан, Башкортостан, Хакассия и Якутия. Объединяющая роль армии была потеряна, и действительно, армия стала все более и более зависеть от региональных властей. Федеральные власти были неспособны гарантировать основные гражданские права в регионах и даже потеряли контроль над региональными отделениями государственных органов. Местные органы прокуратуры, МВД и других министерств перешли под контроль губернаторов и президентов республик.

Чеченская конституция, принятая в марте 1992 г., объявила в своей преамбуле, что Чеченская Республика является «независимым и суверенным государством»³⁰. Такая односторонняя формулировка была

²⁷ Lieven Anatol. Chechnya. P. 79.

²⁸ Борис Ельцин повторил этот призыв к российским субъектам федерации накануне голосования по его импичменту в Думе в мае 1999 г.

²⁹ Katznelson I. City Trenches. Chicago: Chicago University Press, 1981.

³⁰ <http://www.uni-wuerzburg.de/law/cc00000.html>

явно неприемлема для российской стороны, и различные попытки упорядочить статус Чечни в рамках некоей нежесткой федеральной структуры ни к чему не привели. Надежды на разработку двустороннего договора татарстанского типа с расширенными полномочиями были развеяны, столкнувшись с односторонностью, присущей переговорным позициям обеих сторон. Статус Чечни приобрел характер неопределенности. Как *de facto* существующее государство она присоединилась к довольно большому семейству (около 200) непризнанных образований, желающих быть субъектами международного права³¹. Российская конституция от 12 декабря 1993 г. признавала существование Чеченской Республики (отдельной от Ингушетии), но, как утверждалось в одной работе, написанной с точки зрения российского конституционного права: «Получается, что по Конституции России Чеченская Республика есть, а в жизни - нет. Нет ни конституции, ни президента, ни парламента, ни законов. Даже территория не определена четко»³².

Несмотря на противоборство по вопросу о суверенитете, война не была неизбежна, и выработка какого-то федеративного решения была возможна³³. Российское правительство и Чечня несколько раз были близки к согласию, но личностные столкновения помешали политическому упорядочению конфликта путем переговоров³⁴. В 1992 г. Верховный Совет России и представители чеченского правительства провели по крайней мере десять раундов переговоров, и в ходе одного из них достигли политического компромисса, который удовлетворил бы

³¹ See Pegg Scott. *International Society and the De Facto State*. Cheltenham: Ashgate, 1998.

³² Задворнов Игорь и Халмухамедов Александр. После победы: о переходном периоде в политической истории Чеченской Республики // *Особая папка НГ*. № 2 (5). 29 февраля 2000. С. 9.

³³ Джеймс Хьюз, например, приводит доводы против «историцистских» и «этнических» военных описаний этиологии чеченских конфликтов 90-х гг. XX в.: *Chechnya: the Causes of a Protracted Post-Soviet Conflict* // *Civil Wars*. Vol. 4. No. 4. Winter 2001. P. 1-48. Однако упорные требования Дудаева о политическом урегулировании на принципах конфедерации - которые включают одностороннее право на отделение - и его концепция суверенитета как неделимого - сделали компромиссное решение очень затруднительным. Эта тема обсуждается в: Коппитерс Бруно. *Федерализм и конфликт на Кавказе*. М.: Московский Центр Карнеги, 2002.

³⁴ Они описаны, например, в: Dunlop. *Russia Confronts Chechnya*. Chapter 4.

большую часть требований чеченцев³⁵. Подписание многостороннего Федеративного Договора в марте 1992 г. сняло одно из главных опасений российских переговорщиков – страх перед неконтролируемым распадом Российской Федерации. Вне этого процесса оставались только Чечня и Татарстан. Отношения между Татарстаном и московскими властями были урегулированы подписанием двустороннего договора между обеими сторонами в феврале 1994 г., предоставившим Татарстану широкие права наряду с вхождением Татарстана в состав России на основе договора и конституций обеих государств. Оставалось только формализовать статус Чечни.

Теперь ни один регион, кроме Чечни, не стремился к полной независимости. Вместо этого многие обратились к «правовому сепаратизму», принятию законов региональными и местными органами власти, противоречащими федеральному законодательству. К 1997 г. конституции 19 из 21 этнофедеративных республик нарушали федеральную конституцию, в то время как одна треть региональных законов и постановлений находилась в противоречии с федеральным законодательством или конституцией. К июлю 1998 г. федеральное правительство подписало 46 договоров о разграничении полномочий с 42 областями и республиками. Отношения между федеральными властями и другими (кроме Чечни) 88 субъектами России, однако, оставались политическими в том смысле, что шел процесс торга, обычно определяемый личными отношениями Ельцина с данным региональным руководителем. Политика здесь определялась как структурированное и мирное состязание между конституционными и идеологическими политическими альтернативами. Эли Кедури проводил различие между конституционной и идеологической политикой³⁶, причем первая основывается на праве и признании законности состязания, в то время как последняя направлена на создание государства, стремящегося к некоей совершенной цели, и рассматривают общество не более, чем как *tabula rasa* для достижения этой цели. Мы пользуемся этим различием для того,

³⁵ Протокол Сочинской встречи 12-14 марта 1992 г. см. в: Dunlop. *Russia Confronts Chechnya*. P. 169.

³⁶ Kedourie Elie. *Nationalism*. 4th edition. Oxford: Blackwell, 1993. P. xiii-xiv.

чтобы выдвинуть гипотезу о том, что в Чечне национал-сепаратизм возник как особенно злостная форма идеологической политики, подпитываемая не столько утопическими чаяниями, но некритическим историцизмом, не допускающим дискуссии о прошлом и состязания между различными представлениями о будущем. По словам Сосламбекова, депутата распущенного чеченского парламента и председателя его Комиссии по иностранным делам, разошедшегося с чеченским лидером, методы Дудаева находились в противоречии со здравым смыслом: «Вместо того, чтобы взять в качестве ориентира нормы международного права, с первого дня своего президентского срока он избрал путь конфронтации ... в регулировании отношений с Российской Федерацией»³⁷. В отличие от этого, в Татарстане при Шаймиеве аналогичные цели - достижение национальной автономии и большего самоуправления - были достигнуты конституционными и мирными средствами.

Если бы у власти оставался Завгаев, то Чечня, возможно, развивалась бы подобно Татарстану; хотя следует отметить, что такие руководители, как Завгаев, *действительно* находились у власти в большинстве республик Северного Кавказа, но ни один из них не имел широты ума Шаймиева и не смог бы заключить экономический, не говоря уже о политическом, договоре по типу Татарстана. Сравнительная легкость, с которой был свергнут Завгаев, выявила, однако, именно слабость номенклатурного режима в Чечне, и таким образом социально-политическая основа для развития татарстанского варианта в Чечне в значительной степени отсутствовала. Попытки коренизации советского режима, предпринимавшиеся в 80-х гг. XX в., были запоздалыми, тогда как этнически сегментированная модель экономического развития лишала номенклатуру широкой поддержки, позволив восставшей части советизированной элиты (представленной Дудаевым) прийти к власти, обратившись к маргинализированным слоям общества. я

³⁷ Сосламбеков, автор книги «Чечня: взгляд изнутри» был застрелен на одной из московских улиц 18 июля 2000 г. и через девять дней скончался в возрасте 44 лет. Цит. по: Liz Fuller, *Death of a Chechen Pragmatist*. Op. cit.

Первая чеченская война, 1994-96

В конце концов, российская сторона решила, что единственным решением было смещение чеченского руководства с использованием распрей внутри чеченского общества. Всю весну и лето 1994 г. развертывалась тайная война против режима, руководимая Федеральной службой контрразведки (ФСК) во главе с Сергеем Степашиным. Использование доверенных агентов и неуклюжее прямое вмешательство оказались исключительно неэффективными (особенно в неудавшемся восстании 26-27 ноября 1994 г.) и в действительности лишь укрепили повстанческий режим в Грозном. Степень народной поддержки антидудаевских групп трудно оценить, но ясно, что оппозиция режиму не переходила автоматически в поддержку его противников; аксиомой является то, что сотрудничество с Москвой скорее усилило, чем подорвало поддержку Дудаева. К 1994 г. только Хасбулатов из числа пророссийских чеченцев пользовался хоть каким-то авторитетом в республике, но после того, как он возглавил «парламентское восстание» в октябре 1993 г. и в последующем был заточен в изоляторе Лефортово (пока не был амнистирован новой Думой в феврале 1994 г.), он оставался неприемлемой кандидатурой для Ельцина. Наконец, 11 декабря 1994 г. Россия начала полномасштабное вторжение в Чечню, но вместо «маленькой победоносной войны» (как обещал царь Николай II в 1904 г. при объявлении войны Японии), страна оказалась вовлеченной в почти двухлетнюю свирепую войну³⁸.

Мнению Данлопа о том, что мирное урегулирование чеченского кризиса было возможно, противоречит отчет о поездке в республику в сентябре 1994 г. делегации Государственной Думы во главе с Владимиром Лысенко. В отчете утверждалось, что до тех пор, пока Дудаев оставался у власти, переговоры были невозможны, но был высказан призыв, чтобы «российская армия не принимала участия в решении внутречеченского конфликта». Члены делегации рекомендовали, чтобы, поскольку

³⁸ Яркое описание преддверия, а главное хода самой войны см. в: Gall Carlotta and De Waal Thomas. Chechnya: Calamity in the Caucasus. New York: New York University Press, 1998.

политический кризис внутри Чечни не поддавался урегулированию, был принят закон об «особом статусе» Чеченской Республики³⁹. Томас де Ваал придерживается противоположной позиции - что урегулирование было бы возможно при условии, если бы российские участники переговоров учитывали чеченские взгляды на историю и прошлые несправедливости:

«Трагедия Чечни состоит в том, что война 1994 г. была полностью преодолима. Дудаев был плохим переговорщиком. Но, что гораздо важнее, администрация в Москве испытывала недостаток зрелости и исторического понимания в процессе торга с чеченцами. Достижение мирного урегулирования с Дудаевым требовало жеста исторического уважения к тому, что было бы первым добровольным подчинением чеченцев российскому государству. Неспособность ответить на этот вызов была самой большой неудачей новой ельцинской России»⁴⁰.

Так почему же не было достигнуто соглашения? Обычно приводится множество факторов: внутренняя борьба в обеих странах между органами исполнительной и законодательной власти; внутрикремлевские интриги, которые помешали сформулировать последовательную стратегию; и угроза Москвы применить силу, включая тайную поддержку противников Дудаева. Геополитические факторы безусловно сыграли свою роль, включая более широкие вопросы кавказской безопасности и политики по вопросу о каспийских нефтепроводах⁴¹. Но главное - в Москве были влиятельные лица (прежде всего Шахрай), которые выступали против, как они считали, чрезмерных уступок Чечне. Все эти факторы свидетельствуют о том, что использование военной силы не было применением «крайнего средства».

³⁹ Отчет о поездке на Северный Кавказ группы депутатов Государственной Думы РФ для изучения ситуации в Чеченской Республике и вокруг нее, в: Лысенко, Владимир. От Татарстана до Чечни (становление нового российского федерализма). М.: Институт современной политики, 1995. С. 277.

⁴⁰ De Waal Thomas. Introduction, in: Politkovskaya Anna. A Dirty War: A Russian Reporter in Chechnya. Translated by John Crowfoot. London: The Harvill Press, 2001. P. xxi.

⁴¹ Полный анализ этих вопросов см. в весьма содержательной работе: Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001, особенно главы 6 и 9.

Оценивая то, соблюдала ли Россия принцип «правого дела», присущий справедливой войне, когда она начала свою военную операцию, важнейшим является вопрос о российских военных целях. В то время как чеченские повстанцы утверждали, что Ельцин продолжал вековую кампанию геноцида против Чечни, нет никаких данных о том, что это когда-либо являлось одной из целей Кремля. В самом деле, серьезные исследования об истоках чеченского конфликта постепенно отошли от «абстрактных формулировок национального вопроса к более конкретной и в то же время более широкой этнополитической проблематизации вопроса»⁴². Страх перед уничтожением, однако, оставался силен в чеченском национальном сознании. Высылка всего чеченского населения Сталиным в 1944 г. сформировала жизненный опыт чеченской посткоммунистической элиты (Дудаев и Хасбулатов родились в ссылке, в Казахстане)⁴³. Но Ельцин не был Сталиным, и 1994 г. не был повторением депортаций 1944 г. Целью России (постольку, поскольку она имела связанные военные цели) было не уничтожение чеченского народа, а смена руководства с тем, чтобы дать Чечне правительство, склонное к заключению соглашения с Москвой. Так как нет никаких данных о том, что страх уничтожения у чеченцев все еще был обоснованным в 1991 г., у Чечни не было правого дела, когда она объявила свою независимость односторонним путем. Напротив, у России было правое дело, когда она утверждала, что защищает свою территориальную целостность.

Однако в нормативных оправданиях вооруженного вмешательства России совершенно отсутствовала любая ссылка на необходимость защитить права русских и других меньшинств в республике, хотя

⁴² Таков аргумент А. Н. Смирнова в его кн. *Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции*. М.: ИМЭМО РАН, 2001. С. 3. Этот взгляд разделяет Валерий Тишков (директор Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, который осуждает местных, национальных и международных ученых, изучающих этот регион, за их пристрастность, схоластику и излишний акцент на историко-культурных и исторических дебатах. *Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный доклад под редакцией В. А. Тишкова*. Москва: Институт этнологии и антропологии, 1999. С. 7.

⁴³ 387 тыс. чеченцев и 91 тыс. ингушей были высланы в Среднюю Азию (в первую очередь в Казахстан), из них по крайней мере четверть погибла в пути. В 1991 г. треть чеченцев, живших в то время, принадлежали к числу возвратившихся из ссылки с воспоминаниями о тех горьких днях. Рассказ о его собственном изгнании см. в: Khasbulatov Ruslan. *The Struggle for Russia: Power and Change in the Democratic*

националисты в Москве сильно раздували этот фактор. Еще одна проблема в оценке принципа правого дела состоит в том, что при Ельцине, видимо, наметились отношения симбиоза между коррупцией в Чечне и в России вообще: закрывая глаза на последнюю, первой было позволено процветать. По словам Сили (Seely), «вползание в войну 1994 г. было кровавой попыткой не дать раковым клеткам коррупции в российской политической и экономической жизни подорвать хрупкие основы постсоветского российского государства» - неумелая попытка положить конец «разгулу коррупции предыдущих трех лет»⁴⁴. Больше того, требование Ельцина восстановить конституционный порядок в Чечне выглядело довольно неубедительным, если рассматривать его в контексте его двусмысленного отношения к конституции в самой России; и правовая основа для использования регулярных войск во внутреннем конфликте, хотя на это закрыл глаза Конституционный Суд, оставалась спорной.

Теория справедливой войны утверждает необходимость для российской исполнительной власти соблюдать, помимо принципов «крайнего средства» и «правого дела», конституционный порядок начала военных действий в соответствии с принципом «законной власти». С этой точки зрения, нормативная основа первой войны не выглядит вполне надежной. Российское правительство обладало законной властью, чтобы защищать территориальную целостность страны, но не было предпринято никаких попыток вести ее в соответствии с Законом о чрезвычайном положении 1991 г.; Ельцин уже пытался объявить чрезвычайное положение 7 ноября 1991 г., издав указ, который, как мы видели, был отменен Верховным Советом России три дня спустя⁴⁵. Относительно возможности победы и баланса между издержками и выгодами войны согласно нормативным принципам «разумного шанса на успех» и «соразмерности», либералы в Москве долгое время приводили довод о

Revolution., edited and introduced by Richard Sakwa. London and New York: Routledge, 1993. P. 3-4, 11-12.

⁴⁴ Seely. Russo-Chechen Conflict, 1800-2000. P. 213.

⁴⁵ Согласно российской конституции, одобрение президентского указа при объявлении военного положения (Ст. 102.1.b) или чрезвычайного положения (Ст. 102.1.c) является прерогативой Совета Федерации; в данном случае эта процедура не была соблюдена.

том, что попытки смещения сепаратистского чеченского руководителя силой приведут к большим потерям и партизанской войне афганского типа против непримиримых врагов-моджахедов⁴⁶. Кроме того, противник, как мы видели, был хорошо вооружен благодаря тому, что советские/российские войска, уходя из Чечни после объявления ею независимости, оставили там свое оружие. Издержки войны для сепаратистского региона понятны, но серьезные потери несет также государство, от которого данный регион пытается отделиться. Длительные военные действия в Чечне явно привели к деградации российской политической и социальной жизни, тем более, что существует тенденция дегуманизировать чеченских повстанцев, чеченцев как народ и российских военнослужащих. Война отравила российскую политику и угрожала затормозить дальнейшее продвижение России к демократии.

В то время как в категориях *jus ad bellum* можно найти лишь немного убедительных оправданий этой операции, она совершенно не может быть оправдана в категориях *jus in bello*. Методы проведения кампании шли вразрез с важнейшими принципами различия и соразмерности. Разложение вооруженных сил России привело к тому, что уровень дисциплины и подготовленности был ужасно низок и что армия была не в состоянии вести согласованную кампанию. Вместо этого в бой посылали необстрелянных новобранцев, бронечасты заставляли продвигаться без прикрытия пехоты, и основные элементы рекогносцировки и военной разведки игнорировались. Грубая сила и неразборчивое насилие использовались в порядке компенсации за отсутствие военной технологии, приводя к чрезмерным военным потерям, большим жертвам среди гражданских лиц (многие из которых были русские - в основном пенсионеры – люди, которых армия якобы пришла защищать, которым было некуда идти), и разрушению гражданской инфраструктуры и жилья. Военные использовали несоразмерную и неизбирательную силу и не

Нормативная база войны была, наконец, отрегулирована с принятием нового Закона о чрезвычайном положении в 2001 г.

⁴⁶ См., например, Гайдар Егор. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. С. 331. Сам Гайдар занял решительную антивоенную позицию, выйдя из консультативного Президентского Совета после года бесплодных протестов. Что касается собственной позиции Ельцина по вопросу о войне, то, по данным Арона, он «лгал своим бывшим

сумели провести различие между вооруженными боевиками и гражданским населением. Война, казалось, была объявлена всему населению Чеченской Республики, как русским, так и чеченцам, независимо от того, поддерживали ли они режим Дудаева или выступали против него. Все гражданское население, прежде всего люди, способные носить оружие, рассматривалось как законный объект для нападения. С всеми гражданскими лицами фактически обращались как с «бандитами», находящимися вне закона⁴⁷.

Несмотря на жестокую российскую тактику, включая использование фильтрационных лагерей, предназначенных для отделения воюющих сторон от гражданских лиц, но где обе категории страдали ужасающе, чеченские повстанцы продолжали заставлять российскую сторону идти на уступки вроде тех, которые обсуждались в 1992 г. Оказалось, что Россия имела негодную армию, созданную для того, чтобы воевать с великими державами с применением танков и ядерного оружия, а не с партизанами. Чеченские полевые командиры, включая Дудаева и Аслана Масхадова, учились военному искусству в Афганистане, а Шамиль Басаев был обучен спецподразделениями России в начале 90-х гг. с целью поддержки ее операций в Абхазии⁴⁸. Россия в ряде случаев близко подошла к военной победе, особенно после захвата Ведено в июне 1995 г., в результате которого чеченские отряды были разделены на четыре части - положение, которое было исправлено налетом Басаева на Буденновск (Ставропольский край) 14 июня, когда он захватил в заложники тысячу пациентов тамошней больницы. Эта операция во многом привела к счастливому исходу войны для чеченских повстанцев. Российский премьер-министр Виктор Черномырдин лично вел переговоры с лицами, взявшими заложников. Впервые в российской истории (истории, в которой терроризм – далеко не редкость) власти вступили в прямые переговоры с террористами. Налет дал чеченским повстанцам передышку, чтобы вновь собрать свои силы и возобновить

сторонникам о Чечне, лгал оскорбительно, грубо и нагло, по-советски». См. Aron Leon. Yeltsin: A Revolutionary Life. London: HarperCollins, 2000. P. 569.

⁴⁷ Военные аспекты войны обсуждаются в кн.: Knezys Stasys and Sedlickas Romanas. The War in Chechnya. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1999.

⁴⁸ Dunlop. Russia Confronts Chechnya. P. 144.

борьбу. Штурм Грозного Масхадовым в августе 1996 г. обусловил переговоры с Александром Лебедем, тогдашним секретарем Совета Безопасности, которые привели к миру, позднее оказавшемуся лишь временным.

«Фактическая» независимость: между войнами 1996-99 гг.

Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 г. фактически предоставили Чечне независимость *de facto*, причем было оговорено, что соглашение о статусе республики должно быть достигнуто «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» к 31 декабря 2001 г.⁴⁹ В соответствии с соглашением 22 ноября 1996 г., российская армия начала покидать территорию Чечни, причем последние ее части были выведены 4 января 1997 г. Именно в это время Павел Баев отметил, что «постепенное стратегическое отступление России с Кавказа представляется необратимым»⁵⁰. После президентских выборов 27 января 1997 г. Масхадов вступил в должность президента на пятилетний срок с народным мандатом и с молчаливого одобрения России⁵¹. Парламентские выборы, проведенные в то же время, позволили преступному и политическому миру официально слиться, причем ряд ведущих деятелей мафии Чечни вступили в новый законодательный орган⁵². Масхадов

⁴⁹ Текст основного Хасавюртовского соглашения (Принципы) опубликован в «Независимой газете» от 3 сентября 1996 г. С. 3. В этом документе были указаны сроки вывода российских войск, рамки, в которых будут развиваться социально-экономические отношения с Россией, и говорилось о том, что «законодательство Чеченской Республики основывается на соблюдении прав человека и гражданина, праве народов на самоопределение, принципах равноправия народов, обеспечения гражданского мира, межнационального согласия и безопасности проживающих на территории Чеченской Республики граждан независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий.» (Пункт 3). Кроме того, было опубликовано Совместное Заявление, подписанное Александром Лебедем, Асланом Масхадовым и некоторыми другими чеченскими руководителями, в котором были изложены «принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, на основе которых будет строиться дальнейший переговорный процесс» (там же).

⁵⁰ Baev Pavel. *Russia's Policies in the Caucasus*. London: Royal Institute of International Affairs, 1997. P. 57.

⁵¹ Масхадов набрал 63,6%, а Басаев 21,1% голосов при явке избирателей 72,2%. См. Orttung Robert (ed.). *The Republics and Regions of the Russian Federation*. Armonk, New York: M. E. Sharpe, 2000. P. 71.

⁵² Matveeva Anna. *The North Caucasus: Russia's Fragile Borderland*. London: Royal Institute for International Affairs, 1999. P. 19.

стремился включить бывших командиров в новый порядок, предложив им правительственные посты (например, Басаев стал заместителем премьер-министра вплоть до своей отставки 9 июля 1998 г.); но вместо того, чтобы цивилизовать полевых командиров, было милитаризовано само правительство. Масхадов оказался не в состоянии подчинить своей власти лидеров боевиков. В то же время такие полевые командиры, как Басаев, все более подпадали под влияние радикальных мусульманских боевиков из-за рубежа (известных как ваххабиты), в особенности родившегося в Саудовской Аравии боевика Хабиба Абдурахмана, известного под именем Хаттаба, ранее сражавшегося в Афганистане, и эта связь была сохранена и в более поздние годы. Впоследствии Басаев поднял восстание против Масхадова и тем самым разрушил хотя бы тот хрупкий шанс, который имела Чечня для создания основ государственности⁵³.

К 1998 г. численность населения Чечни официально снизилась до 797 тыс.⁵⁴, но к тому времени по крайней мере 300 тыс. чел. уехали оттуда, причем половина из них покинула республику еще до первой войны, начавшейся в 1994 г., включая большую долю русских, ранее работавших в нефтяной промышленности⁵⁵. Доля русских во втором городе республики, Гудермесе, где перед войной они составляли половину населения, упала до двух процентов⁵⁶. Немногие беженцы решили вернуться домой в условиях, когда страна была охвачена бандитизмом и переживала социальную катастрофу. Людей брали в заложники с целью получения выкупа или использования для рабского труда. Точное число таких заложников неизвестно, но оценивается в диапазоне от 500 до 2 тыс. чел. Безработица достигала по крайней мере 75% рабочей силы, все главные инфраструктурные элементы современного государства находились в бездействии, особенно здравоохранение, образование и охрана правопорядка. Ограниченные фонды, предоставлявшиеся Москвой

⁵³ Анализ периода фактической независимости Чечни см. в: Музаев Тимур. Чеченский кризис-99. М.: Панорама, 1999, а также Astigarraga Isabelle. Tchétchénie: un Peuple Sacrifié. Paris: L'Harmattan, 2000.

⁵⁴ Orttung (ed.). The Republics and Regions of the Russian Federation. P. 70.

⁵⁵ Известия, 21 июля 1998.

⁵⁶ Пожарский Владимир. Жители Чечни устали от боев // Независимая газета, 18 мая 2001. С. 1.

для восстановления объектов народного хозяйства, исчезали без следа. Ни одно государство не признало независимости республики, а следовательно никакие из важнейших международных фондов не были направлены на реконструкцию. После трех лет беззакония даже главный муфтий Чечни, Ахмед-хаджи Кадыров, герой первой войны, призвал к размещению российских подразделений в республике на постоянной основе, чтобы защитить население от вечного произвола. Полевые командиры не дали Чечне возможности развиваться, чтобы стать жизнеспособным и независимым обществом. Победа была в самом деле пирровой. Война, сделавшая чеченское государство возможным, сделала его существование невыносимым.

Когда боевики вторично овладели Чечней в августе 1996 г., «светская» судебная система была фактически заменена шариатскими (исламскими) судами. Это противоречило политике прав человека, провозглашенной российской конституцией, а позднее нормативными актами и обязательствами, взятыми на себя Россией при вступлении в Совет Европы⁵⁷. Сепарация в условиях Чечни вела к регрессу в законодательном обеспечении прав человека и сопровождалась массовой модернизацией. Война уже вызвала реархаизацию чеченского общества, которое строится прежде всего на своей досовременной клановой структуре. Традиционное деление чеченского общества на горцев и жителей равнины (горских в противоположность мирным) усилилось. Оно сопровождалось укреплением адата или обычного права, чтобы заполнить вакуум, оставшийся после краха светских институтов.

Тейп как социальный институт получил новую жизнь, хотя и в измененных формах. Тейп – это расширенное сообщество родственников (в Чечне их было около 130), состоящее из множества групп семейств, которые могут проследить свое происхождение вплоть до одного человека. Каждый чеченец обязан знать историю своего собственного клана (до семи поколений) и тейпа, к которому он принадлежит. В постсоветский период тейповая идентификация была разрушена и не играла большой политической роли, но как только Дудаев пришел к

⁵⁷ В порядке корректировки законодательства при вступлении в Совет Европы, Россия в мае 1996 г. ввела мораторий на смертную казнь.

власти, тейпообразные социальные институты (это можно назвать подражательным тейпизмом) стали играть центральную роль как в политической жизни, так и в личных отношениях⁵⁸. Другими словами, имела место ретрадиционализация чеченской жизни: «этническое поглотило социальное»⁵⁹. Лидеры тейпов часто упоминаются как «старосты», и многие из них имели гораздо большую власть, чем любой избранный лидер, и конечно затмили собой президента Масхадова, который в социальном отношении рассматривался как всего лишь один руководитель среди равных. Во время первой войны каждый из полевых командиров искал поддержку своей собственной деревни и региона и рассматривал себя как законный лидер страны; практически, они узурпировали власть старост. Старосты были в значительной степени оттеснены на задний план руководителями повстанцев. То, что осталось от тейповой системы во время войны - война заменила традиционные тейповые ценности милитаризованными - только усилило фрагментацию политической власти. Короче, чеченская социальная структура помешала созданию авторитетного государства, которое могло бы выступать в качестве стороны на переговорах с Россией и фокуса чеченских национальных чаяний.⁶⁰

Фундаментальным вопросом в это время был вопрос процедурный. Впервые в современной истории Чечни независимость была на грани того, чтобы стать правовой реальностью. Но кто или что должно было прийти к власти? Как можно управлять сецессией? Значительная часть

⁵⁸ Хасбулатов настаивал на том, что роль тейпа в чеченском обществе сильно преувеличивалась: «Ведь уже давно... ни тайпы, ни уважаемые старые и известные люди совершенно никакой общественной роли не играют». См. Государство, политика и сепаратизм // Независимая газета, 14 декабря 2000. С. 8. Многие факты говорят о том, что традиционные источники власти были подорваны первой чеченской войной; а впоследствии властные отношения милитаризовались и в определенной степени криминализировались.

⁵⁹ Задворнов Игорь и Халмухамедов Александр. После победы: о переходном периоде в политической истории Чеченской Республики // Особая папка НГ. № 2 (5). 29 февраля 2000. С. 14.

⁶⁰ Это суждение высказывается многими, включая Роберта Брюса Уэра (Robert Bruce Ware), который идет дальше, утверждая, что радикально-националистические призывы Дудаева еще до первой чеченской войны были предназначены для того, чтобы преодолеть вызывающую особенную рознь кровнородственные структуры (например по сравнению с дагестанскими тухумами, пределы которых за последние 500 лет переступали традиционные политические структуры, известные как джамааты). См. Ware Robert Bruce. Kinship and Conflict in the Caucasus // Analysis of Current Events. Vol. 14. No. 1. February 2002. P. 12-13.

общественного мнения в России в то время приветствовала бы независимость Чечни до тех пор, пока эта страна не представляла бы никакой угрозы своим соседям и при условии, что гражданские права всего населения, живущего в Чечне, были бы гарантированы. Акцент переместился с нормативной плоскости в эмпирическую. Как восстановить гражданский мир, правительство и законность внутри Чечни и как остановить действующие в республике банды мародеров и похитителей людей в соседних регионах? На этом этапе речь шла не о том, *станет* ли Чечня независимой, а о том, *как она станет независимой*: решающую роль играл механизм сецессии.

Хасавюртовское соглашение от 31 августа 1996 г. было противоречивым. Для некоторых (прежде всего военных) Хасавюрт, если рассматривать его с точки зрения как российских государственных интересов, так и интересов большинства чеченского народа, считался актом предательства⁶¹. Другие воспринимали его как просвещенный акт государственной мудрости, проявленный главным российским переговорщиком Лебедем. Роль самого Масхадова оказалась трагической в подлинном смысле слова. Проявив себя как архитектор победы Чечни в первой войне, Масхадов оказался не на высоте требований мирного времени. На президентских выборах 27 января 1997 г. он был предпочтительным для России кандидатом, и 12 мая того же года Россия подписала с ним мирный договор в Кремле как с законным руководителем Чечни. Обе стороны договорились «навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы» в своих взаимоотношениях и обязались развивать отношения «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права». Конкретные вопросы должны были регулироваться дополнительными договорами и соглашениями⁶². Ельцин отметил «историческое значение» соглашения, так как оно положило конец 400-летней войне между Россией и Чечней, фактически предоставляя республике независимость, хотя переговоры об

⁶¹ Этой точки зрения придерживаются Задворнов и Халмухамедов. См.: После победы... С. 14.

⁶² Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Воспроизведено в: Лацис Отто. Договор с Чечней: кто победил, кто проиграл? // Известия, 14 мая 1997.

окончательном статусе Чечни были отложены до 2000 г. (чтобы дать возможность, если воспользоваться более ранним высказыванием Ельцина, «залечить раны и заменить эмоции здравым смыслом»)⁶³. Изменение статуса Чечни требует внесения изменений в конституцию России, что крайне трудно сделать, поэтому промежуточное соглашение такого рода являлось лучшим вариантом, на который можно было надеяться в сложившейся ситуации⁶⁴. Хотя на этой встрече Масхадов заверил, что «в Чечне не будет места для террористов и похитителей», он явно не сумел справиться с обеими этими проблемами. Неспособность Масхадова отстоять не только собственную, но и президентскую власть от враждующих чеченских полевых командиров обрекла его страну на еще один смертоносный конфликт.

Масхадов оказался президентом и в то же время не был таковым. В отличие от Майкла Коллинза в сопоставимой ситуации после достижения независимости Ирландии, Масхадов не сумел встать выше конфликтов в чеченском обществе, чтобы стать государственным деятелем чеченского государства. Хотя он хотел вести переговоры с Россией, его пространство для маневра против непримиримых внутренних сепаратистов вроде Басаева и Салмана Радуева было ограничено. Его понятный, но в конечном счете безосновательный страх перед гражданской войной в Чечне вынуждал его идти на бесконечные уступки своим бывшим товарищам по оружию, но он не сумел удовлетворить стремления чеченских народных масс к миру и порядку, а также выступить ответственным партнером российского государства. Новая чеченская элита ориентировалась на победоносную партию войны, а не на работу с «центристскими политическими силами и модернизированной частью населения, которая была лояльна к России»⁶⁵. В момент серьезного кризиса в начале августа 1999 г., когда чеченские боевики под руководством Басаева вторглись в соседнюю российскую республику

⁶³ Aron. Yeltsin. P. 666.

⁶⁴ О политических и конституционных трудностях, связанных с изменением статуса Чечни, см. Walker Edward W. No Peace, No War in the Caucasus: Secessionist Conflicts in Chechnya, Abkhazia and Nagorno-Karabakh, in: Harvard University. John F. Kennedy School of Government. Strengthening Democratic Institutions Project. February 1998. P. 3-11; см. также статью Уокера Constitutional Obstacles to Peace in Chechnya // East European Constitutional Review. Vol. 6. No. 1. Winter 1997. P. 55-60.

Дагестан, вместо того, чтобы выступить против руководителей мятежников (Россия ясно дала понять, что она поддержит его, если он так поступит), он отказался взять на себя такую ответственность. Его неумение поддержать усилия по строительству государства способствовало тому, что он потерял большую часть остававшейся у него легитимности, которой он, возможно, обладал. Именно по этой причине Россия во время второй войны так не хотела признавать его как законного партнера по политическим переговорам.

Чеченское национальное движение не смогло удержаться в границах чеченского государства. Этот экспансионизм подпитывался отчасти традиционными общекавказскими идеалами (во время российской гражданской войны их сторонники мечтали о создании единой республики от Каспийского до Черного моря), а отчасти исламским универсализмом, подкрепленным объявлением войны России (джихад)⁶⁶. Роль ислама как идеологии нарождающегося чеченского государства очень противоречива. Дудаев относился к исламу с подозрением: он до конца оставался верным скорее национальному, чем исламскому идеалу⁶⁷. До 1996 г. Басаев и большинство его коллег в основном придерживались светской ориентации. Существовали исламские движения, возникшие с конца 80-х гг. XX в., вроде партии Беслана Гантамирова «Исламский путь», которая утверждала, что только посредством независимости может республика вернуться к истинному исламу, но в целом не ислам питал чеченскую революцию, но бессодержательный национализм, которому для поддержки национальной

⁶⁵ Пути мира на Северном Кавказе. Указ. соч. С. 33.

⁶⁶ Более комплексное обсуждение роли ислама на Кавказе, см. в: Малашенко Алексей. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Московский Центр Карнеги. Гендальф, 2001.

⁶⁷ В 1992 г. Дудаев охарактеризовал Чечню как «светское, конституционное государство с равными правами, обязанностями и возможностями для всех граждан». См. Независимая газета, 18 февраля 1992. Накануне войны 1994 г. на совете старейшин Дудаев критиковал попытки введения шариатского права: «Я уважаю вашу настойчивость, но считаю ее преждевременной. Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник этого съезда сохранит голову и руки». Абубакаров. Между авторитарностью и анархией. С. 193. Поистине пророческие слова! См. также Ротарь Игорь. Под зеленым знаменем ислама: исламские радикалы в России и СНГ. М.: AIRO-XX, 2001. С. 30-31.

революции позднее потребовался ислам⁶⁸. Ислам стал скорее инструментом во внутричеченской борьбе, нежели легитимизирующей идеологией чеченского сепаратизма. Действительно, исламский универсализм в том виде, в каком его поддерживали Басаев, Хаттаб и другие, являлся антитезой усилиям чеченцев в области государственного строительства. Нежелание внешнего мира признать чеченскую независимость, - что потребовало бы сохранения светской легальности, - побудило Дудаева во время первой войны обратиться за поддержкой к исламскому миру. Когда материальная и духовная поддержка стала поступать из некоторых ближне- и средневосточных государств (прежде всего из Саудовской Аравии), свобода выбора у Дудаева стала все более и более сужаться. Он был вынужден пойти на компромисс и утратил свой традиционный светский (советский) подход к религиозным делам⁶⁹.

В условиях, когда из войны вышло мучительно расколотое и архаизированное общество, ислам оказался единственным надклановым (тейповым) объединяющим принципом в новом государстве. Либеральная интеллигенция и другие представители гражданского общества давно бежали из Чечни, русские рабочие уехали, и все институты светско-правового порядка были разрушены. Как выразился Саватеев, «ислам стал главной формой самоидентификации чеченцев в постсоветский период и вскоре стал символом противостояния современному российскому государству и христианской цивилизации в целом»⁷⁰. Несмотря на то, что чеченцы традиционно были не очень строгими мусульманами, сразу после победы 1996 г. было введено исламское право, а 5 ноября 1997 г. Чечня была объявлена исламской республикой. 3 февраля 1999 г. Масхадов своим указом провозгласил конституционную реформу, в соответствии с которой шариатское право было положено в основу управления в Чечне, в то же время позволив оппозиционным полевым командирам учредить Шуру, фактически альтернативный законодательный орган. Шариатское право

⁶⁸ Глубокий анализ этой проблемы см. в: Саватеев А. Д. Ислам и политика в Чеченской Республике // *Общественные науки и современность*. № 2. 2000. С. 84-95.

⁶⁹ О перемене его взглядов и сделанного им выбора см. НГ-Религии, 23 января 1998. С. 4.

⁷⁰ Саватеев. Ислам и политика. С. 86.

практиковалось и до этого, но умерялось влиянием адата (обычного права) наряду со светскими демократическими нормами, установившимися к моменту распада Советского Союза. Исламское право лишь постепенно добилося первенства, и первая смертная казнь, присужденная согласно новому кодексу, была совершена 23 апреля 1997 г., а 3 сентября того же года состоялись первые публичные казни. Масхадов отчаянно стремился установить свой контроль над толкованием шариатского права, в то время как полевые командиры стремились навязать собственное толкование, провозглашаемое подчиненной им Шурой. Все это имело место в обществе, где не было ни одного человека с высшим образованием по шариатскому праву. Исламизация Чечни была, таким образом, весьма политизированным процессом, отражающим внутривластную борьбу, общественные неурядицы и зависимость от внешних сил.

Рост влияния ваххабизма в Чечне и соседнем Дагестане является, пожалуй, наиболее противоречивым аспектом неудавшейся попытки государственного строительства Чечни. Первые ваххабиты появились в Дагестане в 1988 г., но вслед за тем движение быстро распространилось как выражение политического протеста и сопротивления коррупции в обществе. В июле 1998 г. три деревни в Буйнакском районе Дагестана объявили себя исламской территорией, основанной на шариатском праве. Таким образом, тамошняя оппозиция присвоила себе мантию исламизма, так же как оппозиция Масхадову это впоследствии сделала в Чечне. В отличие от традиционной суфийской формы ислама Чечни, которая была неиерархичной и глубоко укоренилась в жизни и обычаях сельской местности, ваххабизм представлял собой воинственную аскетическую форму исламской реформации, бросающую вызов как традиционным исламским властям Чечни, так и сравнительно смягченным социальным нормам, которые, например, допускали употребление алкоголя и табака. Хотя 16 июля 1998 г. Масхадов приказал ваххабитам покинуть Чечню, их влияние осталось неизменным и, как и прежде, поддерживалось бывшим министром иностранных дел Чечни Мовлади Удуговым, бывшим и. о. президента Зелимханом Яндарбиевым и полевыми командирами Басаевым и Хаттабом. Поддержанное Саудовской Аравией ваххабитское

движение, однако, натолкнулось на сильное сопротивление народа и получило кличку «арабизации». Как отметил один комментатор, «... ни у кого не получилось за 70 лет сделать из них русских, не получится сделать и арабов»⁷¹.

Вторая чеченская война и вокруг нее, 1999 -

Возобновление российской интервенции в Чечне в конце 1999 г. продемонстрировало, что «стратегическое отступление» России с Кавказа оказалось лишь временным⁷². Попытки «исламских» боевиков экспортировать чеченскую революцию путем вторжения в Дагестан в августе, а затем вновь в сентябре 1999 г. побудили Россию к действию несмотря на то, что, по словам бывшего премьер-министра Степашина, (май-август 1999 г.) приготовления к неким военным действиям велись с начала того же года в силу необходимости обуздать чеченское беззаконие. Недаром чеченские полевые командиры не удовлетворились борьбой за независимость Чечни и пошли дальше. Дерлугьян ярко обрисовал эту проблему:

«Практически все чеченские военачальники, за исключением неизменного благородного президента Масхадова, зарекомендовали себя тем, что открыто угрожали населению России, а также (в случае Шамиля Басаева в 1995 г.) «лицемерному» Западу терроризмом.... Что же касается объяснений и мотивов чеченцев, то очевидно, что Басаев, Хаттаб и Удугов увлеклись неутомимой мужественной энергией и дилетантскими идеологическими фантазиями – как своими собственными, так и своих сподвижников»⁷³.

⁷¹ См. Независимая газета, 27 января 1999.

⁷² В дополнение к отзыву Баева (см. выше), другие комментаторы также отмечали «более широкий уход России из кавказских государств»; настоящая цитата взята из: Lynch Dov. The Conflict in Abkhazia: Dilemmas in Russian 'Peacekeeping' Policy. London: The Royal Institute of International Affairs, 1998. P. 44.

⁷³ Derluguian Georgi. Reflections on Putin's Rise to Power. Davis Centre for Russian Studies. Harvard University. Program on New Approaches to Russian Security. Policy Memo Series No. 104. P. 1-2.

С крахом Советского Союза открылся вакуум власти во всем кавказском и центральноазиатском регионе, Россия же колебалась, стоит ли ей отстаивать свои интересы. Воинственные полевые командиры в Чечне стремились воспользоваться российской слабостью, чтобы оторвать больше территории от России и создать «исламскую республику от Черного до Каспийского моря»⁷⁴. В ответ Россия заявляла, что она была обязана действовать в духе «Кодекса поведения по военно-политическим аспектам безопасности», который был подписан на саммите ОБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г. Параграф 6 гласит, что «государства-участники будут принимать соответствующие меры по предотвращению и борьбе с терроризмом во всех его формах», а параграф 25 утверждает, что «государства-участники не будут допускать или поддерживать силы, которые не подотчетны конституционно признанным властям или не контролируются ими»⁷⁵. Применимость обоих этих условий к Чечне ясна. К 1999 г., как выразился Уильям Черч, «Россия имела дело с автономным государством в сфере своего политического контроля, которое распалось на фракции полевых командиров и которое вторглось в соседнее государство»⁷⁶. Анатолий Ливен утверждает, что «законное право России вести эту [вторую чеченскую] войну бесспорно»: Чечня - международно признанная часть российской территории, и когда она с 1996 г. получила шанс установить самоуправление, «правительство оказалось неспособным к управлению своей собственной территорией»⁷⁷. Именно этой комбинацией суверенитета и озабоченности по поводу безопасности воспользовался Путин для оправдания своей политики⁷⁸.

Хотя интервенция России в Чечню в сентябре 1999 г. нарушила условия Хасавюртовского соглашения 1996 г. и соглашения мая 1997 г., поддержание некоторого порядка в регионе было, как многие

⁷⁴ Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Фурман (ред.). Чечня и Россия. С. 419.

⁷⁵ Цит. в: Church William. Moscow's Actions: Rationale Deserve Reappraisal // Defense News, 20 March 2000.

⁷⁶ Church. Moscow's Actions.

⁷⁷ Lieven Anatol. Morality and Reality in Approaches to War Crimes: The Case of Chechnya // East European Constitutional Review. Vol. 10. Nos 2/3. Spring/Summer 2001. P. 72.

⁷⁸ Например, в интервью польской «Газете wyborчей» и Польской телевизионной станции TVP 14 января 2002 г. Путин отметил, что в Чечне «имел место странный симбиоз сепаратизма и международного терроризма, связанный с крайними проявлениями исламского фундаментализма». 24 декабря 2001, <http://www.president.kremlin.ru/events/433.html>

утверждали, не только правом России, но и ее долгом. Это отразилось в высокой степени общественной поддержки второй войны⁷⁹. Эта поддержка объяснялась ощущением, что Чечня представляет собой реальную угрозу региональной безопасности на Северном Кавказе и стабильности самой России. Любое влияние, которое, возможно, имела нефтяная политика в первой войне, было теперь смягчено завершением строительства обходного трубопровода в апреле 2000 г. Война в целях самозащиты, таким образом, воспринималась как «правое дело». Военные действия чеченцев в Дагестане далее демонстрировали, что никакого другого решения в духе «крайнего средства» не существует. «Законная власть» кандидата в президенты Владимира Путина для того, чтобы отдать приказ о вступлении российских войск в Чечню также не оспаривалась, в отличие от первой войны, когда Борис Ельцин столкнулся с мощной критикой среди некоторых генералов и политического истеблишмента. Только в мае 2001 г. был принят пересмотренный Закон о чрезвычайном положении, который мог использоваться для обеспечения правовой базы для ведения военных действий в самой России. Можно также было полагать, что принципы «разумного шанса на успех» и «соразмерности» соблюдаются лучше, чем в первую войну: Чечня была гораздо большей угрозой безопасности в 1999 г., чем в 1994 г., что повысило потенциальные выгоды от военных действий по сравнению с их издержками. Несмотря на провал политики военной реформы Ельцина, русские военные были все же лучше подготовлены, чтобы противостоять партизанской войне, чем в 1994 г. и

⁷⁹ Эмиль Паин говорит, что причиной массовой поддержки войны отчасти явилась манипуляция массовым сознанием. Вторая чеченская война и ее последствия // Петров Николай (ред.). Регионы России в 1999 г. Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России». М. : Московский Центр Карнеги. Гендальф, 2001. С. 280-94. Хотя подавляющее большинство российского населения первоначально поддержало вторую чеченскую войну, а опросы устойчиво показывали свыше 70 процентов «за», имеются и определенные неясности. В феврале 2000 г., например, 48% высказались в пользу окончания военных действий и решения чеченской проблемы путем переговоров, если Путин предложит такой образ действия, в то время как 42% сказали, что будут против этого. Опрос, проведенный в конце декабря 1999 г., показал, что даже среди сторонников войны значительное большинство, 59%, признали бы независимую Чечню, а еще 21% были бы «счастливы, если бы это случилось». Опрос проводился ВЦИОМом. Hale Henry E. Is Russian Nationalism on the Rise? Program on New Approaches to Russian Security. Davis Center for Russian Studies. Harvard University. Policy Memo Series. No. 110. February 2000. P. 1.

использовать свое огромное превосходство в военной технике и живой силе.

Соблюдение принципов *jus in bello* оставалось не меньшей проблемой, чем во время первой войны. Война в Чечне была внутренней войной, «где свои собственные граждане смешались с чеченскими боевиками»⁸⁰. Заявленная цель российских вооруженных сил, которая гласит, что их задачей является «восстановление конституционного порядка», была правильной: используемые методы, однако, никак не соответствовали этой цели. Проблема, по словам лорда Дэвида Расселл-Джонстона, председателя Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), заключается в том, как страдало гражданское население от «несоразмерного и неразборчивого» применения силы российскими войсками. Как отметил он, Совет Европы «был основан, чтобы защищать права человека, демократию и законность. Это мандат, который оставляет очень мало места для *Realpolitik*»⁸¹. В данном случае право России голосовать на Парламентской Ассамблее было приостановлено с апреля 2000 г. по январь 2001 г. Совет Европы пошел дальше исключительной по своей силе критики несоблюдения Россией международного гуманитарного права и подчеркнул необходимость диалога между враждующими сторонами. Он действовал в рамках двух ключевых принципов: территориальной целостности Российской Федерации и открытого диалога со всеми сторонами конфликта⁸². Пока Россия продолжила осуждать повстанческое чеченское руководство как террористов, трудно было увидеть, как можно наладить такой диалог.

Кадыров, муфтий Чечни и главный представитель традиционного суфизма (а значит, противник ваххабизма), принял руководство поддержанной русскими администрации Чечни 20 июня 2000 г. Неспособность остановить ваххабизм явилась одной из причин, по

⁸⁰ Church. Moscow's Actions.

⁸¹ Russell-Johnston David. Human Rights for the Chechens, Too // International Herald Tribune, 14 April 2000.

⁸² Совет Европы учредил Совместную Рабочую Группу по Чечне, состоящую из российского и других депутатов ПАСЕ, под председательством лорда Джадда. 27 сентября 2001 г. они опубликовали отчет с осуждением России за продолжающиеся нарушения прав человека, но в то же время осудили Масхадова за то, что он отозвал своих представителей с консультаций ПАСЕ. См. The Jamestown Foundation. Chechnya Weekly, 2 October 2001.

которой он порвал с Масхадовым. Кадыров обвинил Басаева и Хаттаба в религиозной ереси за проповедь ими ваххабизма в Чечне⁸³. Он утверждал, что в Чечне не может быть никакого порядка без прямого правления со стороны федеральных властей⁸⁴. Обсуждались также долгосрочные альтернативы. Многие в то время утверждали, что ключевым элементом любого будущего урегулирования будет являться развитие богатой чеченской традиции местного самоуправления. Хасбулатов, бывший спикер распущенного Верховного Совета России, нашел себя в новой роли. В апреле 2000 г. он был назначен председателем недавно созданного Общественного Совета по проблемам Северного Кавказа - органа, созданного для налаживания консенсуса в целях мирного решения чеченских и шире - северокавказских проблем⁸⁵. Его назначение наводило на мысль, что некоторые из распрей ельцинской эпохи подходят к концу. С избранием 20 августа 2000 г. Асланбека Аслаханова, главы Ассоциации работников правоохранительных органов Чечни и человека, который никогда не был сторонником идеи чеченской независимости, депутатом российской Государственной Думы, казалось, что часть политической элиты Чечни постепенно реинтегрируется в российское политическое сообщество. В Думе Аслаханов использовал любую возможность для осуждения произвольных задержаний, избиений и пыток гражданского населения Чечни⁸⁶. Некоторые российские ученые, однако, проявляли пессимизм относительно возможностей интеграции и призывали к более радикальному решению. Как выразился Дмитрий Фурман, старший научный сотрудник Института Европы Российской Академии Наук, подход Москвы как к Чечне, так и к чеченцам приводит к тому, что он не в состоянии «вообразить мирную интеграцию чеченцев в российское общество». Учитывая отрицательное воздействие длительной войны на политическую культуру России, он пришел к выводу, что российская демократия невозможна без чеченской независимости⁸⁷. Альтернативный взгляд заключается в том, что Чечня есть исключение и

⁸³ В июле 2000 он запретил ваххабитское движение в республике. Jamestown Foundation. Monitor, 26 July 2000.

⁸⁴ Задворнов, Халмухамедов. После победы. С. 14.

⁸⁵ Независимая газета, 18 апреля 2000.

⁸⁶ См., например, его выступление 19 октября 2000 г. RFE/RL. Newline. 20 October 2000.

что соблюдение Россией прав человека становится все более соответствующим международным нормам. Утверждается, что когда войну ведут западные страны, то они обычно делают это не менее свирепо, чем Россия в Чечне⁸⁸.

После нападения на Центр международной торговли и Пентагон 11 сентября 2001 г., правительство Путина присоединилось к «антитеррористической коалиции». Попытки России начиная с 1999 г изобразить свою возобновившуюся интервенцию в Чечне как часть глобальной антитеррористической борьбы стали намного более убедительными.⁸⁹ Угрозы России исходили, по-видимому, не столько от государств, сколько от ряда транснациональных действующих лиц. В это время Путин стремился умалить значимость суверенитета и настаивал на том, что «речь идет не о членстве или нечленстве Чечни в Российской Федерации»; предметом главной озабоченности было то, что Чечня стала «безответственным квазигосударством», ставшим «бандитским анклавом, в то время как идеологический вакуум был быстро заполнен фундаменталистскими организациями»⁹⁰. Официальный акцент на безопасности, а не на суверенитете отличал Чечню от других антиколониальных движений, как например борьбы Алжира против Франции⁹¹. В своем выступлении от 24 сентября 2001 г. Путин неожиданно призвал чеченских боевиков сложить оружие в течение двух дней и начать переговоры с его спецпредставителем в Южном Федеральном округе генералом Виктором Казанцевым. Несистематические поиски Путиным политического решения

⁸⁷ Цит. в: Goble Paul. On Equal Terms. RFE/RL. Newslines, 14 March 2000.

⁸⁸ Оба эти утверждения делают Эрик А. Хейнце (Eric A. Heinze) и Дуглас А. Борер (Douglas A. Borer). См. Heinze, Eric A. and Borer, Douglas A. The Chechen Exception: Rethinking Russia's Human Rights Policy // Politics. Vol. 22. No. 2. 2002. P. 86-94.

⁸⁹ Hill Fiona. "Extremists and Bandits": How Russia Views the War Against Terrorism. Policy Memo No. 246. Program on New Approaches to Russian security. Washington DC: CSIS, 2002.

⁹⁰ Из интервью в: Focus. 21 September 2001. Цит. в: Hughes. Chechnya: the Causes of a Protracted Post-Soviet Conflict. Op. cit. P. 39.

⁹¹ Хотя такие журналисты, как Павел Фельгенгауэр, проводили сравнение с Алжиром (см., например, «Московские новости», 24 апреля 2002), другие упорно утверждали, что «уход России из Чечни не просто ухудшит ситуацию на всем евразийском пространстве, но фактически приведет к геополитической катастрофе». Михайлов Сергей. В Чечне решается судьба России // Аргументы и факты. № 12. 2000. С. 6.

конфликта⁹² были затруднены глубокими разногласиями в российском политическом сообществе (особенно между военными и гражданскими органами)⁹³, а главное - расколом *внутри* чеченских боевиков. Было ясно, что Масхадов и полевой командир Руслан Гелаев имели светскую европейскую ориентацию, в то время как «фундаменталисты» Басаев и Хаттаб имели тесные связи с Усамой бен Ладеном⁹⁴. В то время как Масхадов стремился создать светское государство, независимое от России, но связанное с нею в экономическом и военном отношении, басаевское крыло стремилось создать исламское государство, полностью независимое от России и ориентирующееся на исламский мир. Разногласия внутри Чечни, России и в международном сообществе, - фсе это помешало разрешению конфликта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1991 г. был для Советского Союза тем, что Роберт Джексон называет «гроцианским моментом» ('the Grotian moment'), перетасовкой прав на суверенитет⁹⁵. Барткус теоретизировала об этих пороговых периодах в создании государств как об «удобном моменте», когда ослабление центрального правительства (или иностранное вмешательство) повышает

⁹² 18 ноября 2001 г. в московском аэропорту «Шереметьево-2», в присутствии председателем Либеральной партии Турции состоялись двухчасовые переговоры между Виктором Казанцевым и представителем Масхадова Ахмедом Закаевым, но жесткие предварительные условия, выдвинутые российской стороной (фактически разоружение чеченцев) не дали возможности достичь в то время серьезного прогресса.

⁹³ О том, что беспокоит военных, см. Allison, Roy. *The Chechnia Conflict: Military and Security Policy Implications* // Allison Roy and Bluth Christoph (eds). *Security Dilemmas in Russia and Eurasia*. London: Macmillan, 2001. P. 128-146. В ноябре 1999 г. несколько российских генералов угрожали уйти в отставку, если будет предпринята попытка добиться урегулирования путем переговоров или если будет проявлено чрезмерное политическое вмешательство в проведение второй чеченской войны. См. Московский комсомолец, 5 ноября 1999 г. Общее представление о точке зрения военных на войны и нравственных нормах лучших (то есть некоррупцированных) представителей офицерского класса России см. в кн.: Трошев Геннадий. *Чеченский дневник окопного генерала*. М.: Вагриус, 2001.

⁹⁴ Замечание, высказанное Анной Политковской в *Общей газете*, № 71, 2 октября 2001, цит. в RFE/RL Newslines, 3 October 2001. Подробности о видеокассете, свидетельствующей о связях между Хаттабом и Усамой бен Ладеном, см. в: *The Jamesown Foundation. Monitor*. 25 January 2002. Эти связи неудивительны, так как чеченские боевики имели давние связи с афганскими моджахедами. Смерть Хаттаба в начале 2002 г. укрепила позиции Масхадова.

шансы на успех попытки достижения независимости⁹⁶. И в бывшем СССР, и в Югославии, однако, гроцианский момент ограничивался существующими союзными республиками, и несмотря на многочисленные войны за отделение, новые границы сохранялись. Другими словами, конституционные положения предыдущего государства создают рамки для признания новых государств. Чеченская попытка осуществления сецессии была попыткой расширить гроцианский консенсус в отсутствие обоснованного «правого дела», как описано выше. Вне колониального контекста международное право и практика не признают одностороннее право на отделение при любых условиях и посредством любой процедуры, какой бы демократической она ни была (например, референдум). Кроме того, так же как «удобный момент» 1917-18 гг., когда крах царизма вызвал попытки достижения независимости многими нациями Российской империи, закончился восстановлением государственной власти при большевиках, так и это окно возможностей в посткоммунистической России, по-видимому, закрылось к концу 90-х гг. XX в. Прежде всего, оценка этики сецессии 90-х гг. XX в. с точки зрения теории справедливой войны не дает нормативного обоснования попытке отделения Чечни.

Согласно теориям выбора (choice theories), территориально сконцентрированная группа имеет законное основание для стремления к отделению, если большинство выражает явное предпочтение подобного шага в ходе референдума или плебисцита. В Чечне в начале 90-х гг. не было такого ясного момента самореализации. В основе теории выбора лежит индивидуалистическое понимание демократического права личностей на выбор институциональной структуры общества, в котором они желают жить. Как мы доказывали выше, при этом, как правило, игнорируется этнический или приписываемый (ascriptive) характер большинства сепаратистских движений - черта, которая ярко проявилась в случае Чечни. Теории справедливого дела (just cause theories) более

⁹⁵ Jackson Robert. Sovereignty in World Politics: a Glance at the Conceptual and Historical Landscape // Political Studies, Vol. XLVII. Special Issue 1999. Sovereignty at the Millenium. P. 434.

⁹⁶ Bartkus Viva Ona. The Dynamics of Secession. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. "Opportune Moments": a reduction in the costs of secession'. P. 145-166.

применимы к Чечне, поскольку данный регион явно стадал от перенесенной им устойчивой несправедливости. Как и с теорией революции Локка, сецессия может быть оправдана, если она стремится исправить несправедливость. Однако опять же было далеко не ясно, относится ли к этой категории попытка отделения Чечни, рассматриваемая с точки зрения стремления расширить права человека и достичь большей справедливости. Третья категория теорий сецессии недвусмысленно основывается на идеях национального самоопределения, признавая важность понятий культурной и национальной идентичности. Однако проблема гарантирования прав меньшинств, живущих внутри отделяющегося сообщества, и общая проблема обеспечения защиты человеческих и гражданских прав всех граждан отделяющегося сообщества остается неразработанной. Кроме того, по нашему мнению, отделяющееся сообщество в некоторых обстоятельствах должно принимать во внимание интересы того сообщества, от которого оно стремится отделиться. В обстановке России начала 90-х гг. это особенно важно. Впервые за десятилетия, если не за столетия, сама Россия пыталась демократизироваться на гражданской и федеративной основе, и успешная сецессия одного края могла бы подействовать как катализатор распада государства, что могло бы привести к войнам и этническим чисткам по югославскому варианту.

Тот факт, что у России было «правое дело» для военной интервенции в Чечню в 1994 г., не означает, что она вела справедливую войну. При начале войны не были соблюдены другие принципы «крайнего средства» *jus ad bellum*: «законная власть», «соразмерность» и «разумный шанс на успех». Кроме того, методы ведения войны не соответствовали таким принципам *jus in bello*, как «соразмерность» и «различие». Принципы *jus ad bellum* гораздо лучше соблюдались во второй чеченской войне, начавшейся в сентябре 1999 г.. Но справедливость этой войны также оспаривалась, в связи с чем Россия подвергалась критике западными правительствами и Советом Европы за многочисленные нарушения гуманитарного права (*jus in bello*).

Чеченский случай демонстрирует, что характер руководства имеет критически важное значение при определении уровня насилия в новых

республиках и в их сепаратистских регионах. Националистическое руководство, пришедшее к власти в ходе чеченской революции 1991 г., обусловило кровопролитный характер перехода Чечни к постсоветскому строю. Случай этот также ярко демонстрирует ограниченность влияния международных организаций и иностранных правительств в таких сепаратистских кризисах, хотя роль международных организаций и международного сообщества (прежде всего, Совета Европы) и не была совсем уж незначительной. Обширный фонд разработок теории посредничества, при котором третья сторона стремится создать форум для ненасильственного примирения враждующих сторон, почти не оказал влияния на ход этого трудноразрешимого конфликта. Чеченские войны продемонстрировали высокие издержки сепаратизма и отделения с помощью сепаратистских войн⁹⁷ и, по-видимому, доказывают справедливость позиции тех, кто выступает против попыток решать этнические конфликты путем разделения государств⁹⁸.

Можно ли было найти квадратуру круга: удовлетворить чеченские требования и в то же время сохранить целостность российского государства и только нарождающуюся в России демократию? Нужно ли «потакать» чеченцам, и если так, то не будет ли это движением по наклонной плоскости к независимости; или же с помощью своевременных уступок, какой бы асимметричной они ни сделали федеративную систему страны, можно помешать появлению более радикальных сепаратистских требований⁹⁹? В этом случае возникает дальнейший вопрос: где следует провести черту между «отдельным сообществом» и государством? Наша дискуссия о нормативной базе движения за отделение наводит на мысль, что не существует никакого базисного коллективного права на выход из ранее существующего политического сообщества, кроме исключительных обстоятельств. Если установить слишком низкий порог для сепарации, то право потеряет

⁹⁷ Cp. Spencer Metta (ed.). *Separatism: Democracy and Disintegration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1998.

⁹⁸ Напр., Schaeffer Robert K. *Severed States: Dilemmas of Democracy in a Divided World*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999.

⁹⁹ Вопрос о том, почему расширение автономии в некоторых обстоятельствах притупляет тенденцию к сепарации, а в других только разжигает аппетит сепаратистских

универсальность и свободный вход и выход в политическое сообщество приведет нас к анархии. Далее, наше приложение теорий этики сецессии и теории справедливой войны к двум чеченским войнам говорит о том, что применение силы не облегчает поиски нужного институционального решения. Открытые бои уступили место затяжному противостоянию на войне, которую Россия не могла ни выиграть, ни проиграть при наличии адекватных ресурсов и воли к победе. Единственным выходом было некое мирное урегулирование путем переговоров. Ясно, что масштабы насилия во время этих двух войн затрудняли политическую интеграцию Чечни в Россию. Но это не означает, как утверждает Фурман, что независимость Чечни является единственной разумной альтернативой. В принципе можно разработать институциональное устройство, при котором связь между Россией и Чечней будет сводиться к ограниченному числу предметов ведения. Самоуправление во внутренней сфере может сочетаться с отдельной международной правосубъектностью, которая затем найдет свое выражение в полномочиях по заключению международных договоров и в определенных формах дипломатического представительства¹⁰⁰. Сравнительный федерализм дает множество

движений, рассматривается в концептуальной модели Барткус в ее кн. *The Dynamics of Secession*.

¹⁰⁰ Именно такие идеи были выработаны на состоявшихся в Лихтенштейне 16-19 августа 2002 г. не прямых переговорах между бывшим спикером Государственной Думы и секретарем Совета Безопасности Иваном Рыбкиным, бывшим спикером Верховного Совета Русланом Хасбулатовым, депутатами Думы Асланбеком Аслахановым и Юрием Щекочихиным (также журналистом "Новой газеты"), и представителем Масхадова, заместителем премьер-министра Ахмедом Закаевым. В ходе дискуссий были рассмотрены как план, разработанный Хасбулатовым, в котором резкой критике был подвергнут Масхадов, но было выражено стремление придать Чечне "особый статус", который позволил бы ей проводить свою собственную внутреннюю и внешнюю политику, так и план, разработанный Збигневом Бжезинским, в объединенном виде составившие лихтенштейнский план. Территориальная целостность России должна была быть сохранена, но Чечне должны были быть предоставлены широкие полномочия в плане самоопределения и автономии. Не было достигнуто соглашения о том, может ли модель чеченской автономии быть основанной на татарстанской модели при размещении российских войск на южной границе Чечни. Одновременно специальный посланник Масхадова по ведению переговоров Казбек Махашев как будто стал обращаться напрямую к России и признал необходимость введения в Чечне прямого российского президентского правления. К этому времени и чеченская, и российская сторона явно устали от войны. В опросе ВЦИОМ от 29 августа 2002 г. 31% респондентов во всероссийском опросе сочли продолжение войны необходимым, в то время как 59% высказались в пользу мирных переговоров. Результаты опроса приводятся в изд.: *Chechnya Weekly* от 9 сентября 2002 г.

конкретных примеров подобных полномочий¹⁰¹. Опыт посткоммунистической России также наводит на мысль о существовании значительных возможностей для выработки институциональных устройств с учетом местных условий¹⁰². Деятельность Путина по собиранию государства еще более показала, что существуют пределы для развития автономной юриспруденции (например, ограниченной гражданским законодательством), но даже он был не смог полностью обратить вспять развитие асимметричного федерализма или лишить республики своих законодательных полномочий. Те лица, которые будут вести переговоры о мирном урегулировании в Чечне, должны будут взяться за трудное дело: найти институциональную формулу, которая удовлетворит претензии титульной национальности Чечни на государственность и при этом не дойдет до признания ее полной суверенной независимости.

¹⁰¹ См. Леонарди Уве. Полномочия по заключению договоров и международные отношения субъектов федераций // Коппитерс Бруно, Дарчиашвили Давид, Акаба Нателла. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М. Весь Мир, 1999. С. 250-271; и Лордкипанидзе Гоча. Сегментация и интеграция. Предложения по федерализации внешней политики Грузии. С. 272-283. См. также в интернете: <http://poli.vub.ac.be/>; английский вариант опубликован под названием *Federal Practice: Exploring Alternatives for Georgia and Abkhazia* (Brussels, VUB University Press, 2000). P. 151-178.

¹⁰² Обсуждение контекста и смысла российского закона от 17 июня 1996 г. «О национально-культурных автономиях» см. в: Bowring Bill. *Austro-Marxism's Last Laugh?: the Struggle for Recognition of National-Cultural Autonomy for Rossians and Russians* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 54. No. 2. 2002. P. 229-50. Экстерриториальный подход отстаивали австромарксисты Отто Бауэр и Карл Реннер, но он оспаривался Лениным и другими ранними советскими руководителями, которые являлись сторонниками территориальной автономии. Согласно экстерриториальной точке зрения, отдельные лица могут пользоваться некоторыми национальными правами независимо от того, где они живут, и таким образом потребность в определенной территориальной концентрации становится излишней. Привлекательность такого устройства для сильно рассеянных групп, например евреев, была очевидна в Российской и Австро-Венгерской империях, но сама распространенность такой схемы встревожила Ленина, который считал ее разрушительной с административной точки зрения, а также подрывающей единство рабочего класса. Дискуссии о предоставлении экстерриториальной культурной автономии одному миллиону российских цыган свидетельствуют о продолжении поиска решения этой проблемы. См. Goble Paul. *A New Kind of Autonomy*. RFE/RL. Newswire. 5 May 2000. P. 14-16.